

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития

Василий Клавдиевич БЕЛОЗЁРОВ

член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 119034, Остоженка ул., д. 38, стр. 1, Москва, Российская Федерация
E-mail: vk_belozerov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4875-5878

ЦИТИРОВАНИЕ: Белозёров В.К. (2020) Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 177–194. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию феномена международной политической коммуникации, которая меняется в условиях цифровизации мирового развития. Общая логика осмысления и последовательность изложения материала обусловлены рядом обстоятельств. Прежде всего, следует констатировать, что современная социально-политическая практика реагирования на цифровизацию характеризуется фрагментарностью, дискретностью и незавершенностью. Вместе с тем цифровизация является реально существующим феноменом, имеющим и политическое измерение, в т. ч. в сфере международных отношений, а ее проявления, последствия и перспективы воздействия нуждаются в научном осмыслении. Кроме того, и сама международная политическая коммуникация, будучи объективно существующим явлением, остается недостаточно изученной, отсутствует и ее научно обоснованное понятие.*

Проводимые исследования коммуникативных процессов сосредоточены преимущественно на внутривнутриполитической сфере. В результате содержание и направленность изменений, происходящих в сфере международной политической коммуникации под воздействием цифровизации, научным сообществом в полной мере не оценены.

Методологическую основу исследования составили теории политической коммуникации и политического реализма. Раскрытие заявленной темы потребовало обращения к таким исследовательским методам, как структурно-функциональный анализ, анализ документов, сравнительный анализ, анализ результатов деятельности. По результатам анализа сложившихся подходов автором выводится определение международной политической коммуникации. На основе изучения профильной литературы и доступных примеров из практики выявляются и характеризуются проблемные кластеры

международной политической коммуникации, предлагаются некоторые меры реагирования на цифровизацию, выделяются приоритеты развития понятийного аппарата познания указанного феномена. С целью оценки и понимания перспектив реагирования на цифровизацию международной политической коммуникации уделено внимание изучению и сопоставлению установок доктринальных документов России, США, Германии и Австрии, декларирующих намерения действий в данной сфере. Обосновывается, что изменения в практике международной политической коммуникации в условиях цифровизации будут нарастать, что требует ее дальнейшего теоретического осмысления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация, обмен смыслами, субъекты международных отношений, международная политическая коммуникация, цифровизация, международная безопасность, доктринальные документы, имплементация цифровизации*

Информация и коммуникация постоянно преобразуют социальную и политическую жизнь на национальном и глобальном уровнях. В современных условиях набирает силу новый фактор, цифровизация, означающая, что языковые конструкции и нарративы интенсивно замещаются цифровыми кодами. В результате мир из информационной эпохи переходит в цифровую. При этом давать всестороннюю характеристику происходящего, осуществлять всесторонний анализ изменений в сфере политики и политической коммуникации, разрабатывать точный прогноз и определять направленность процессов весьма проблематично, поскольку «база данных», созданная политической практикой, фрагментарна и дискретна, а объем научных знаний о

феномене цифровизации в ее политическом измерении еще недостаточен. К тому же цифровизация часто остается новомодным понятием, многократное повторение которого мало что дает для анализа. Тем не менее можно утверждать, что политическая коммуникация претерпевает качественные изменения.

Сложившаяся ситуация нуждается в осмыслении, которое диктуется потребностью в формировании теоретических подходов, позволяющих точно диагностировать сложившееся состояние сферы политической коммуникации, понять перспективы ее развития и на этой основе предложить адекватные способы реагирования на происходящее. Оценка и понимание сложившейся ситуации в значительной степени осложняются тем, что международная политическая коммуникация как реально существующее относительно самостоятельное явление в системном виде не исследована, ее понятие не выработано. Следует констатировать недостаток необходимого научного инструментария при том, что в практике международной политической коммуникации сложились проблемные кластеры, нуждающиеся в понимании и не охваченные вниманием исследователей.

Международная политическая коммуникация как явление и понятие

Само понятие «политическая коммуникация» относится к числу достаточно разработанных в науке, о чем свидетельствует целый ряд проведенных исследований. В самом общем виде политическая коммуникация может быть охарактеризована как процесс обмена информацией между политическими акторами, осуществляемого в ходе их формальных и неформальных

взаимодействий. В настоящее время имеется целый ряд определений политической коммуникации. Остановимся на том, которое сформулировано профессором М.Н. Грачевым, исследовавшим различные подходы к пониманию этого феномена: «объем понятия «политическая коммуникация» в наиболее общем виде должен включать в себя всю совокупность феноменов информационного воздействия и взаимодействия в сфере политики, связанных с конкретно-исторической деятельностью политических акторов по поводу власти, властно-управленческих отношений в обществе» [Грачев 2004, с. 75].

Как обоснованно и образно отмечается в одном из исследований, политическая коммуникация представляет собой для политической системы «то же, что кровообращение для организма человека» [Шварценберг 1992, с. 175]. Очевидно, что обмен информацией, коммуникация, разворачивается в обществе, в его политической системе как по вертикали, так и по горизонтали. Поэтому традиционно в рамках политической системы принято выделять информационно-коммуникативную подсистему. При этом современные концепции коммуникации все больше признают ограниченность подхода, предполагающего непосредственное прямолинейное воздействие на аудиторию, и ориентируются на диалоговый режим, предполагающий взаимодействие субъектов и объектов политики.

Политическая коммуникация – явление многомерное и динамично развивающееся, и научное сообщество достаточно оперативно реагирует на реалии и в проводимых исследованиях обращается к различным проявлениям этого феномена, к происходящим изменениям. В подтверждение можно отметить некоторые из множества вышедших недавно научных работ¹. Кроме того, в образовательных организациях высшего образования вот уже в течение ряда лет изучаются и соответствующие учебные дисциплины, подготовлены и учебные издания по политической коммуникации для разных направлений подготовки².

Признавая существенные и продуктивные результаты, полученные в результате научного познания процессов политической коммуникации, следует вместе с тем констатировать небезынтересное обстоятельство. В проводимых представителями российской науки исследованиях речь идет в большинстве случаев об осмыслении указанного феномена применительно только к внутривнутриполитической сфере, поскольку де-факто коммуникация ограничивается рамками политической системы общества. При этом международная политическая коммуникация еще не оказалась в фокусе научных исследований в качестве относительно самостоятельного феномена. Научных работ, в которых международная политическая коммуника-

1 См.: Бронников А.И. (2011) Особенности сети Интернет как формы политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.; Вершинин М.С. (2001) Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В.А.; Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. (1997) Неформальная политическая коммуникация. М.: Росспэн; Евгеньевна Т.В., Селезнева А.В. (2017) Психология массовой политической коммуникации. М.: Юрайт; Малиновский С.С. (2013) Политическая коммуникация в Рунете как фактор российского политического процесса: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.; Тимофеева Л.Н. (ред.) (2012) Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН; Посикера Л.Р. (1994) Политическая коммуникация в условиях избирательных кампаний: анализ концепций и технологий: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.

2 См.: Миронова П.О. (ред.) (2005) Жанры политической коммуникации: практикум по курсу «Теория и практика СМИ» (для студентов филологического факультета). Омск: Изд-во ОмГУ; Соловьев А.И. (ред.) (2004) Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс; Хубецова З.Ф. (2017) Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт: учеб. пос. в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации. М.: Смелый дизайнер.

ция заявляется в прямой постановке, практически нет, или же она исследуется лишь как компонент системы международных отношений или их фактор, т. е. остается фактически частным сюжетом³.

Между тем очевидным представляется то обстоятельство, что сфера международных отношений и внешней политики является реально существующим феноменом, и без тщательного изучения коммуникативных и информационных процессов, разворачивающейся в ее рамках, представление об этой сфере получается неполным и односторонним. Задача же научного анализа состоит в том, чтобы охватить весь феномен и сформировать на этой основе его целостное восприятие. Разумеется, сами по себе международные отношения уже правомерно расценивать и как специфическую коммуникацию между их участниками.

Следует признать и тот факт, что между внутренней и внешней политической коммуникацией нет и не может быть непроницаемого барьера. В этой связи невозможно отрицать того, что проводимые в сфере внутривнутриполитической коммуникации научные исследования создают необходимую теоретическую и методологическую основу для познания коммуникации во внешнеполитической сфере. Изучение коммуникации, возникающей в сфере международных отношений, опирается на уже разработанный понятийный аппарат и выявленные и научно обоснованные функции, принципы, методы, формы, технологии и т. д.

В дискуссионном плане международная политическая коммуникация

может быть дефинирована как *процесс обмена смыслами между акторами (участниками) международных отношений*. Такая коммуникация осуществляется посредством организации связей с общественностью, публичной (общественной) дипломатии, принудительной дипломатии (представляющей собой действия по убеждению оппонента в необходимости прекращения агрессивных действий). Международная коммуникация предполагает как открытое влияние и воздействие на партнеров и оппонентов (посредством связей с общественностью, культурных и академических обменов, организации работы информационно-культурных центров и неправительственных организаций в зарубежных государствах и т. д.), так и скрытое (проведением специально организованных информационных кампаний и операций, поддержкой и скрытым целенаправленным финансированием оппозиционных действующей власти организаций, формированием лояльных СМИ и др.). Внешнеполитическая практика постоянно предоставляет свидетельства того, что оказываемое информационное влияние и воздействие может преследовать цели, расходящиеся с интересами объекта. Причем последний может об этом даже не догадываться.

К сфере международной политической коммуникации необходимо отнести и специфические информационные процессы воздействия и взаимодействия, которые возникают при подготовке и в ходе военных конфликтов [Hartwig 1999]. Так, отечественный военный мыслитель А.А. Свечин почти

3 См.: Абу-Хаттаб А.А. (2013) Политические коммуникации в системе международных отношений // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета // Гуманитарные и общественные науки. № 3. С. 166–173 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-kommunikatsii-v-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy/viewer>, дата обращения 20.05.2020; Макарьян Д.В. (2008) Информационно-коммуникационные технологии как фактор международных отношений: политические и правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.

век назад образно писал о «бумажной войне», которая всегда в истории сопровождала действия с оружием в руках» [Свечин 2003, с. 131].

Особая коммуникация возникает и в связи с действиями международных экстремистских и террористических организаций. Международный терроризм, как известно, имеет собственную коммуникативную стратегию. Вполне обоснованно то, что противодействие террористической деятельности находится в фокусе проводимых в России и за рубежом научных исследований⁴.

В наиболее же выраженном виде, как представляется, специфика международной политической коммуникации определяется особенностями ее субъектов и объектов, и, следовательно, возникающих между ними субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. В качестве совокупных субъектов такой коммуникации традиционно выступают государства, создаваемые ими межгосударственные объединения и международные организации. В условиях глобализации признаки субъектности появляются и у негосударственных и транснациональных игроков, обладающих мощными ресурсами и все более активно действующих на мировой арене. Здесь достаточно назвать реально конкурирующие с государствами и созданными ими институтами транснациональные корпорации, глобальные медиаимперии, частные военные фирмы, террористические организации и т. д. В рамках отношений указанных субъектов формируется сложная система коммуникации.

Проблемные кластеры практики международной политической коммуникации

В рамках ограниченной по объему публикации не представляется возможным дать развернутую и исчерпывающую характеристику международной политической коммуникации. Вместе с тем, опираясь на профильную библиографию и исходя из анализа доступной для изучения внешнеполитической практики, имеет смысл сосредоточиться именно на тех феноменах, которые позволяют подчеркнуть специфический статус и автономность международной коммуникации.

Прежде всего, заслуживает внимания коммуникация, складывающаяся в процессе деятельности руководителей государств и иных должностных лиц и руководителей, участвующих в принятии решений в сфере международных отношений и внешней политики.

Следует при этом отметить, что сама по себе информация публичного характера, исходящая от политических руководителей ведущих субъектов международных отношений, обычно оказывается весьма востребованной и вызывает сильный общественный резонанс. Эффект усиливается в случае, например, появления программных заявлений, развернутых статей политиков мирового значения в транснациональных СМИ, обусловленных значимым информационным поводом или подготовленных по острым вопросам, стоящим на политической повестке дня. В качестве примера можно привести опубликование 28 февра-

4 См., например: Базаркина Д.Ю. (2017) Роль коммуникационного обеспечения в антитеррористической деятельности Европейского союза: автореф. дис. д-ра ... полит. наук. М.; Журавлев Д.А. (2011) Международный терроризм в информационно-коммуникативном пространстве мировой политики: автореф. дис. канд. ... полит. наук. М.; Куренной В.А. (2006) Война, терроризм и медиа // Прогнозис. № 1. С. 276–312 // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/f96p9n9ltl/direct/90672753>, дата обращения 20.05.2020; Туронков С.Г. (2011) Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия // Общественные науки и современность. № 4. С. 131–140 // <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251303793/Turonok.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

ля 2006 г. известным американским изданием Wall Street Journal статьи президента России В.В. Путина «Энергетический эгоизм – путь в никуда» на английском языке⁵. Повышенный интерес у зарубежной аудитории вызывают и публикации других высокопоставленных российских руководителей по актуальным вопросам международной жизни в случае их выхода на иностранных языках⁶.

Особого же исследовательского интереса, несмотря на объяснимую закрытость и фрагментарность открытой информации, заслуживает коммуникация, возникающая в результате прямых контактов и взаимодействия первых лиц государств (лиц, принимающих решения), руководителей влиятельных международных организаций. О важности устойчивых непосредственных контактов между указанными субъектами свидетельствует, например, то обстоятельство, что открытие в ноябре 1981 г. линии тропосферной связи между СССР и Индией было отмечено в нашей стране выпуском специального почтового блока с изображением лидеров двух держав, Л.И. Брежнева и Индиры Ганди, общающихся по телефону. Наиболее интенсивным обмен информацией между политическими лидерами становится при обострении международных отношений или в периоды их кризисного развития. Доступной для общественности такая информа-

ция становится, как правило, по прошествии нескольких лет или даже десятилетий, по мере снятия секретности. В настоящее время, например, доступна информация о переписке и ином общении руководителей государств антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны⁷. Объектом научного исследования традиционно становится и деятельность политических руководителей и иных лиц, связанная с международными переговорами⁸.

Непосредственное отношение к международной политической коммуникации имеет и *деятельность политической и военной разведки*.

В снабжении релевантной информацией руководителей государств и других лиц и органов, принимающих решения, связанных со сферой внешней политики и международных отношений, деятельность разведывательных служб играет первостепенную роль. В любой стране распространение информации об этой специфической активности ограничено. Политическая разведка представляет собой разновидность разведывательной деятельности. Ее объектом являются ресурсы, средства, планы и секреты других субъектов (прежде всего государств), а также сведения внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. Разведывательный анализ представляет собой совокупность мер, осуществляемых экспертно-аналитическими ин-

5. Putin V.V. (2006) Energy Egotism Is a Road to Nowhere // Wall Street Journal, February 28, 2006 // <https://www.wsj.com/articles/SB114109695150485008>, дата обращения 20.05.2020.

6. В качестве примера можно привести статью С.Б. Иванова в вестник его министром обороны России. См.: Iwanow S. (2004) Russlands Streitkräfte: Der Weg zur neuen Qualität und zum neuen Antlitz. Gegenwärtiger Stand sowie Perspektiven des Aufbaus und der Entwicklung // Österreichische militärische Zeitschrift, no 4, pp. 387–394.

7. См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (1958). В 2 томах. М.: Госполитиздат.

8. См.: Егорова Е.М., Кудинов И.Е. (2011) Личностный аспект взаимодействия глав государств и экспертов в переговорах в международных конфликтах // Информационные войны. № 4(20). С. 12–21 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17063974_59778726.pdf, дата обращения 20.05.2020; Лебедева М.М. (1993) Процесс международных переговоров: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.; Хрусталев М.А. (2004) Методология анализа международных переговоров // Международные процессы. № 3 (16). С. 64–78 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17026265_42243173.pdf, дата обращения 20.05.2020.

ститутами разведывательного сообщества и направленных на идентификацию и описание релевантных для субъекта политических проблем. Такие меры предполагают постановку информационно-поисковых задач, добычу, обработку полученной информации с целью информационного обеспечения субъектов, участвующих в подготовке и принятии решений в сфере международных отношений [Аналитический словарь 2015, с. 79].

Объяснимая закрытость конкретных мероприятий разведки и иных связанных с ней сведений не означает, что данная социальная активность вообще не может или не должна быть подвержена изучению при помощи методов научного анализа. Поэтому как в нашей стране, так и за рубежом проводятся исследования в сфере разведывательной деятельности и военной дипломатии⁹. Следует учитывать также и то, что разведывательная деятельность в правовом государстве имеет юридическую регламентацию. Так, согласно законодательству нашей страны, разведывательная деятельность осуществляется органами внешней разведки Российской Федерации посредством добычи и обработки информации о затрагивающих ее жизненно важные интересы реальных и потенциальных возможностей, действиях, планах и намерениях иностранных государств, орга-

низаций и лиц (ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»)¹⁰. Схожим образом осуществляется правовое регулирование работы информационных служб и в других государствах.

Важно также и то, что деятельность разведывательных служб, являющихся неотъемлемым компонентом сектора безопасности государства, в условиях демократии строится с учетом требований примата политики и подлежит гражданскому контролю¹¹. В этой связи, в частности, предпринимаются меры для обеспечения открытости таких служб (например, поддерживаются их официальные сайты).

Приоритеты развития понятийного аппарата международной политической коммуникации

Оценивая, пусть даже фрагментарно, состояние научной разработанности международной политической коммуникации в современной России, имеет смысл вкратце остановиться на некоторых практических и теоретических вопросах, требующих дальнейшего осмысления.

Прежде всего, следует обратить внимание на сложившееся состояние поня-

9 См.: Винокуров В.И. (2009–2011) История военной дипломатии (монография). Т. 1–4. М.: Перемены; Грибин Н.П. (2010) Американская разведка в формировании внешней политики США // Проблемы национальной стратегии. № 1 (2). С. 64–78 // https://riss.ru/images/pdf/journal/2010/1/Gribin_2010_1.pdf, дата обращения 20.05.2020; Дамаскин И.А. (2012) Вожди и разведка. От Ленина до Путина. М.: Вече; Плэтт В. (1958) Информационная работа стратегической разведки: Основные принципы. М.: Изд-во иностр. лит.; Свечин А.А. (2003) Стратегия. М.: Кучково поле. С. 267–271; 576–578; Старкин С.В. (2011) Аналитические институты разведывательного сообщества США: концептуальные основы, механизмы и технологии деятельности в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород; Хилсман Р. (1957) Стратегическая разведка и политические решения. М.: Издательство иностранной литературы и др.

10 См.: Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (1996) // Российская газета. 17 января 1996 // http://svr.gov.ru/svr_today/doc02.htm, дата обращения 20.05.2020.

11 См.: Борн Г., Лей И. (2005) Подотчетность спецслужб: правовые нормы, опыт и рекомендации. Издание Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами; Виллз А. (2010) Понимание подотчетности разведки. Женева: Женевский центр демократического контроля над вооруженными силами; Лаврентьев А.В. (2005) Гражданский контроль над вооруженными силами и разведывательными службами в США (по американским источникам). М.: Издательство МГОУ.

тийного аппарата международной политической коммуникации. Как представляется, актуализируется необходимость разработки оригинальной терминологии. На это указывает, в частности, распространение практики оперирования непроработанными терминами, привнесенными извне (из-за рубежа), причем иногда без достаточного на то основания.

Так, в настоящее время в политическом и научном дискурсе в России получило распространение понятие «стратегическая коммуникация». При этом фактически происходит отождествление стратегической коммуникации с международной коммуникацией. Нельзя не отметить и определенную смысловую неоднозначность, присущую популярному термину «стратегическая коммуникация», равно как и целесообразность его использования. В частности, отечественными специалистами обоснованно отмечается, что нередко указанный термин используется просто для замещения устоявшегося понятия «связи с общественностью» ввиду его большей привлекательности [Старых 2013, с. 5]. Привлекательность и притягательность в данном случае связываются с самим понятием «стратегия» (и производным от него), все более широко и не всегда уместно используемым в российском политическом дискурсе. Кроме того, в отечественной науке все еще не существует и четкого понимания того, что такое «стратегия» в политической сфере.

Ознакомление с профильной зарубежной литературой позволяет установить, что понятие «стратегическая ком-

муникация» фактически является заимствованием, калькированием термина, уже зафиксированного в официальных документах США почти пятнадцать лет назад. В них стратегическая коммуникация представлена в качестве некоего «симбиоза» публичной политики, публичной дипломатии, военных информационных операций. В соответствии с таким подходом под стратегической коммуникацией понимаются «целенаправленные усилия правительства США по пониманию и привлечению ключевых объектов воздействия (целевых групп) для создания, укрепления или сохранения условий, благоприятствующих продвижению интересов, политики и целей правительства США посредством использования скоординированных программ, планов, задач, поручений и результатов, согласованных с действиями всех инструментов национальной мощи»¹².

Российские исследователи посредством использования закрепленного в американских источниках понятия «стратегическая коммуникация» (СК) характеризуют внешнеполитические процессы, связанные с Латинской Америкой¹³. При этом Е.А. Виноградова утверждает, что «несмотря на различные теоретические трактовки СК, ее суть заключается в управлении целевыми аудиториями с целью изменить их поведение и донести до них те ценности или информацию, которые необходимы государству, применяющему СК. Исследователи в основном выделяют три составные части СК: общественную дипломатию, связи с общественностью и информационно-пси-

12 QDR Execution Roadmap for Strategic Communication (2006) // U.S. Department of State, September 2006, p. 3 // <https://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDRRoadmap20060925a.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

13 См.: Виноградова Е.А. (2015) Роль стратегической коммуникации во внешней политике АЛБА (на примере отношений со странами ЕС): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.; Пашенцев Е.Н. (2013) Стратегическая коммуникация США в Латинской Америке // Государственное управление. № 38. С. 83–120 // http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk_38_ijun_2013_g._kommunikazionnii_menedjment_i_strategicheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/pashentsev.pdf, дата обращения 20.05.2020.

хологические операции» [Виноградова 2015, с. 21].

В сложившихся условиях существует необходимость проработки понятия «стратегическая коммуникация» с целью установления содержащейся в нем смысловой нагрузки, что позволит более точно применять его для характеристики какого-либо политического явления или процесса международной жизни.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что ряд сформированных и активно используемых для изучения сферы международной политической коммуникации понятий и концепций несут в себе негативную конфронтационную смысловую нагрузку и коннотацию. Достаточно назвать информационную и психологическую войну и противоборство, информационные и психологические операции. По сравнению с ними понятие международной политической коммуникации представляется более корректным и нейтральным. При этом перспективными направлениями научных исследований представляются такие феномены, как политическая семантика, политическая семиотика, политическая лингвистика, коммуникативная компетентность, стратегическая культура, политический имиджмейкинг и др.

В практике международной коммуникации также существуют определенные лакуны, нуждающиеся во внимании со стороны исследователей. Например, требует осмысления такой обделенный вниманием со стороны российских исследователей феномен международной политической коммуникации, как общение и взаимодействие с зарубежным экспертным сообществом. Думается, для объективного восприятия значимости проблемы целесообразно обратиться к одному из положений Концепции внешней политики Российской Федерации, ут-

вержденной в 2016 г. В разделе документа, посвященном информационному сопровождению внешнеполитической деятельности страны, выделено отдельной статьей, что «одним из направлений развития общественной дипломатии является расширение участия представителей научного и экспертного сообщества России в диалоге с иностранными специалистами по вопросам мировой политики и международной безопасности» (ст. 48). Если обеспечение названного участия рассматривать пусть даже как локальную задачу, то ее решение в действительности представляется весьма непростым и требует серьезной проработки и длительных, целенаправленных и системных усилий. При этом в ряде других доктринальных документов, содержащих официальные оценки ситуации в сфере международных отношений, а также в артикулируемых периодически заявлениях руководства государства содержится констатация необъективного восприятия зарубежной общественностью нашей страны, ее мотивов и действий на международной арене. При этом такое восприятие обоснованно характеризуется как фактор, осложняющий проведение Российской Федерацией внешнеполитического курса и отстаивание национальных интересов.

С учетом указанного и других обстоятельств научная проработка вопросов взаимодействия с зарубежным экспертным сообществом представляется весьма перспективной в теоретическом плане и востребованной в прикладном отношении.

Охарактеризованными выше вопросами исследование международной политической коммуникации не может быть ограничено. С данной сферой связано множество политических явлений, проведено и немало исследований, как фундаментальных, так и прикладных, в т. ч. находящихся на стыке раз-

личных наук. Международная политическая коммуникация достаточно быстро развивается, реагируя и на цифровизацию мирового развития.

Цифровизация международной политической коммуникации

Переход к цифровой информации стал реальностью фактически во всех сферах социальной действительности. Специалисты стремятся оценить и спрогнозировать ее последствия и для сферы внешней политики и международных отношений. В частности, активно изучается происходящее в сфере мировой экономики и внешнеэкономической деятельности¹⁴.

Вместе с тем фактически отсутствуют исследования, посвященные последствиям цифровизации для политической коммуникации, в т. ч. связанной со сферой международных отношений. Данное обстоятельство следует объяснить, прежде всего, новизной самого явления цифровизации, поскольку требуется время для осмысления и анализа. Реакция научного сообщества на происходящее, безусловно, не заставит себя долго ждать. В пользу этого свидетельствует то, что уже появились научные статьи, посвященные отдельным аспектам цифровизации. Так, И.В. Сурма исследует цифровую дипломатию, что представляется весьма интересным уже самой постановкой проблемы. В этой связи исследователь размышляет об использовании информации, новых технологиях информационной борьбы, информационных порталах, акка-

унтах, присутствии государственных ведомств в социальных сетях в контексте публичной дипломатии, которая, как известно, направлена на зарубежную общественность. При этом, по его мнению, «как форма публичной дипломатии цифровая дипломатия является механизмом влияния на зарубежную аудиторию посредством определенных методов, таких как:

- размещение радио- и телепередач в Интернете;
- распространение в открытом доступе литературы в цифровом формате;
- мониторинг дискуссий в блогосфере;
- рассылка информации через мобильные телефоны;
- создание персонифицированных страничек членов правительства в социальных сетях» [Сурма 2014, с. 54].

Фактически исследователь стремится оценить потенциал цифровизации для решения актуальных задач внешнеполитической деятельности. Вместе с тем приведенными в статье И.В. Сурмы способами потенциал цифровизации для международной политической коммуникации далеко не исчерпывается.

Прежде всего, необходимо исходить из того, что в сфере международной коммуникации, как и в других, цифровизация амбивалентна, вызывая в зависимости от конкретных условий как положительные, так и отрицательные последствия, не говоря уже о весьма неоднозначных проявлениях.

Например, появляется возможность быстрого обнародования реле-

14 См., например: Михневич С.И. (2019) О некоторых тенденциях развития мировой экономики в эпоху цифровой глобализации // Торговая политика. Trade Policy. № 1/17. С. 120–140. DOI: 10.17323/2499-9415-2019-1-17-120-140; Мозолева Н.В. (2017) Цифровизация внешнеэкономической деятельности // Академический вестник Российской таможенной академии. № 4 (9). С. 39–44 // [http://akvest.donrta.ru/en/images/stories/files/vk_full/%D0%90%D0%92_4_2017_\(29\).pdf](http://akvest.donrta.ru/en/images/stories/files/vk_full/%D0%90%D0%92_4_2017_(29).pdf), дата обращения 20.05.2020.

вантных данных, облеченных в цифровую форму и размещенных на информационных ресурсах, чем обеспечивается свободный доступ к таким сведениям. Цифровизация при определенных условиях может выступить и как сдерживающее средство, направленное на ограничение или недопущение тайной дипломатии, дискриминаций, манипуляций и других негативных явлений в международной сфере.

В этой связи следует позитивно оценить и предпринимаемые в современной России целенаправленные и системные усилия по оцифровке оригинальных исторических документов и размещение их на профильных информационных ресурсах. Открытие доступа к ранее закрытым источникам в канун 75-летия Победы в Великой Отечественной войне стало сильным аргументом России и оказалось эффективным средством противодействия предвзятым и политически ангажированным оценкам исторических событий. Размещение подобных источников на открытых информационных ресурсах представляется весьма перспективным, поскольку попытки ревизии хода и результатов Второй мировой войны, к сожалению, не прекратятся, каждый раз активизируясь в канун юбилейных дат. Одновременно стоит отметить устойчивый спрос зарубежных специалистов на доступ к информации подобного рода. Удовлетворению этого интереса мог бы способствовать и перевод важных документов на иностранные языки. Соответствующие возможности у России имеются. Немало представителей экспертного сообщества за рубежом проявляют серьезный интерес и к получению официальной и достоверной информации, которая позволила

бы им формировать объективное представление о внешнеполитическом курсе России, о мотивах поведения нашей страны на мировой арене, особенно в сфере безопасности и в связи с применением военной силы¹⁵.

Незатратным способом реагирования на существующий запрос может стать опубликование на информационных ресурсах уполномоченных органов государственной власти России переведенных на иностранные языки доктринальных документов страны (Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики и Военная доктрина). Подобная практика уже реализуется в ряде стран (например, в Германии и Японии), которые издают свои документы на иностранных языках, в т. ч. на русском. Отсутствие же доступной официальной позиции России, как показывает опыт общения автора с зарубежными коллегами, заставляет их додумывать и интерпретировать происходящее, используя вторичные источники, направляя ход мыслей порой в невыгодном для нашей страны ключе.

Следует также отметить, что названная выше статья С.Б. Иванова в «Австрийском военном журнале», с момента выхода которой прошло более полутора десятилетий, является на сегодня практически единственным примером официального изложения руководителем оборонного ведомства позиции нашей страны на страницах авторитетного зарубежного издания.

Цифровизация несет с собой и целый ряд неоднозначных последствий для международной политической коммуникации.

Так, возникает проблема обеспечения конфиденциальности релевантной

15 К такому выводу автор пришел в результате общения с зарубежными коллегами, в т. ч. в рамках ежегодно проводимой с 2016 г. Венской конференции по стратегии.

для сферы внешней политики информации, которая хранится на определенных ресурсах и может быть извлечена, в т. ч. с деструктивными целями, например, для дискредитации или манипулирования. Периодически те или иные компрометирующие сведения, облеченные в цифровую форму, появляются на сайтах, таких как «Викиликс».

Цифровизация создает условия и для селекции и сознательной фальсификации информации, предназначенной для массового пользования с дальнейшим оказанием прямого или опосредованного воздействия на субъектов. Обнародование информации, хранящейся в цифровой форме, может быть использовано в политической борьбе. Достаточно вспомнить об опубликовании осенью 2019 г. стенограммы переговоров президентов США и Украины Д. Трампа и В. Зеленского, что повлекло политический скандал¹⁶. Обнародование телефонного разговора показало и то, что президент Украины допустил высказывания, содержащие негативные оценки в отношении позиции Германии и Франции и их руководителей. В результате В. Зеленский понес как минимум репутационные издержки.

Приведенный пример достаточно убедительно свидетельствует о том, что цифровизация предъявляет повышенные требования к такому качеству политиков и иных лиц, принимающих решения, как коммуникативная компетентность [Белозёров 2004]. Реагируя на сложившуюся ситуацию, политические субъекты предпринимают целенаправленные усилия и для защиты критически важных инфраструктур, защиты релевантных данных, обеспечения

кибербезопасности и т. д., что находит свое отражение в доктринальных документах и правовых актах.

Имплементация цифровизации в доктринальных документах в сфере международных отношений в России и за рубежом

Цифровизация – явление относительно новое, отчасти поэтому оно еще недостаточно закреплено в доктринальных документах России, прямо или опосредованно связанных с международной политической коммуникацией. Ознакомление с некоторыми документами стратегического планирования России позволяет выделить ряд положений, связанных с международной политической коммуникацией и цифровизацией.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной президентом 31 декабря 2015 г., констатируется факт усиливающегося противоборства в глобальном информационном пространстве, обращается внимание на стремление некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения геополитических целей, в т. ч. посредством манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории (ст. 21). В документе предусматриваются меры для обеспечения информационной безопасности.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена указом президента РФ 30 ноября 2016 г.) содержит ряд положений, характеризующих процессы в глобальном информационном пространстве, информа-

16 Стенограмма разговора Д. Трампа и В. Зеленского: полный текст (2019) // Korrespondent.net. 25 сентября 2019 // <https://korrespondent.net/world/4143615-stenogramma-razgovora-trampa-y-zelenskoho-polnyi-tekst>, дата обращения 20.05.2020.

ционно-коммуникационные технологии, состояние национальной и международной информационной безопасности (см., например, ст. 3, 9, 28, 47).

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена указом президента РФ 5 декабря 2016 г.) также излагается ряд важных оценок роли факторов информации и коммуникации в связи со сферой международных отношений (например, ст. 10 и 12).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена указом президента РФ 9 мая 2017 г.) связана преимущественно с ситуацией в цифровой экономике, в т. ч. с ее сегментом, связанным с информационной сферой. Кроме того, в нашей стране действует программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р), а 10 октября 2019 г. президентом была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Характеризуя в общем виде приведенные выше документы в «цифровом» контексте, следует отметить, что вопросы цифровизации политики и международной сферы в них специально не рассматриваются, в основном речь идет об информационных технологиях вообще. Руководство же Совета Безопасности России демонстрирует озабоченность деструктивным использованием таких технологий на международной арене. Секретарь Совет Безопасности РФ Н.П. Патрушев подчеркнул при этом, что «национальные интересы и безопасность государства будут обеспечиваться и защищаться в информацион-

но-коммуникационном пространстве» [Патрушев 2019]. Как представляется, о результатах реагирования на цифровизацию международной политической коммуникации можно будет судить по мере совершенствования документов стратегического планирования.

Признаком реагирования на цифровизацию следует считать и создание 15 мая 2018 г. в структуре органов исполнительной власти Российской Федерации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, при том что международная деятельность не отнесена к его функциям¹⁷.

С учетом изложенного целесообразно будет сопоставить содержание официальных установок России со сложившейся за рубежом практикой учета цифровизации в доктринальных документах зарубежных стран. Разумеется, охватить все не представляется возможным. Ограничимся лишь некоторыми документами Соединенных Штатов Америки и двух стран европейского континента – Германии и Австрии.

В США в настоящее время единственным таким документом является Национальная киберстратегия (National Cyber Strategy of the United States of America)¹⁸, которую президент Д. Трамп утвердил в сентябре 2018 г. О цифровизации речь в этом доктринальном документе идет в рамках социально-экономического контекста. Так, правительство Соединенных Штатов заявляет о своем намерении способствовать динамичной и устойчивой цифровой экономике. Формулируются и задачи правительства США, состоящие в том, чтобы повысить цифровую стабильность через нормы ответственного поведения государства и укреплять конкурентоспо-

17 См.: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // <https://digital.gov.ru/ru/>
18 См.: National Cyber Strategy of the United States (2018) // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

способность страны в мировой цифровой экономике. Руководство США озабочено сохранностью идентификационных данных граждан и недопущением возможных злоупотреблений. В связи же с международными экономическими отношениями отмечается необходимость защиты коммерческих интересов Америки, укрепления конкурентоспособности американской промышленности в глобальной цифровой экономике.

Цифровизация нашла подробное отражение в ряде доктринальных документов Германии, которая достаточно продвинулась в вопросах осмысления последствий цифровизации.

Вообще, повышенное внимание к информационному потенциалу и информационным технологиям, концептуализация соответствующих установок традиционны для Германии. Достаточно красноречив тот факт, что в ФРГ предусматривается и имеет правовую регламентацию использование средств массовой информации не только в рамках реализации их традиционных функций, но и для целенаправленной дезинформации и дезориентации противоборствующей стороны в случае конфликта, введения ее в заблуждение, оказания информационного давления на целевые группы [Meun 1999, pp. 65–66]. Военные эксперты ФРГ рассматривают СМИ в качестве одного из основных инструментов информационных операций, позволяющего, с одной стороны, эффективно информировать население Германии и ее союзников, с другой – формировать заданное поведение у целевых групп воздействия за рубежом [Theuerkauf 2000, p. 14]. Весьма ценным является и признание Клауса Науманна, бывшего генерально-

го инспектора бундесвера и председателя военного комитета НАТО, сделанное им еще в 1999 г. после военной операции альянса против Югославии: «Мы можем осуществить мечту Сунь Цзы и парализовать ту ли иную страну без единого выстрела» [Naumann 1999, p. 18]. В настоящее время в составе федерального правительства ФРГ существует Министерство транспорта и цифровой инфраструктуры (Bundesministerium für Verkehr und digitale Infrastruktur).

В вышедшей же летом 2016 г. «Белой книге политики безопасности Германии и будущего бундесвера» (Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr)¹⁹, основном доктринальном документе страны в сфере безопасности, цифровизация обосновалась прочно и упоминается во внутривнутриполитическом и международном контексте порядка двадцати раз. При этом речь в документе идет и о последствиях цифровой коммуникации (digitale Kommunikation).

Существенные оценки и установки содержатся и в опубликованной в 2016 г. новой редакции «Германской стратегии устойчивого развития» (Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie)²⁰. В документе декларируется стратегическая нацеленность на экономически эффективное, социально сбалансированное и экологичное развитие, при котором планетарные границы Земли и установка на достойную жизнь всего человечества выступают абсолютными ориентирами в принятии политических решений. С учетом данных установок в документе многократно дается и оценка тех или иных характеристик потенциала цифровизации и ее послед-

¹⁹ Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Berlin, Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.).

²⁰ Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie // www.deutsche-nachhaltigkeitsstrategie.de, дата обращения 20.05.2020. На сайте федерального правительства Германии размещено и краткое изложение Стратегии устойчивого развития на русском языке.

ствий для социально-экономической, образовательной и научной сфер как на национальном уровне, так и в глобальном масштабе. В стратегии манифестируется намерение и призыв использовать потенциал цифровизации как двигателя устойчивого развития.

Исходной пунктом «Киберстратегии для Германии» (Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland)²¹, также вышедшей в 2016 г., выступает констатация того факта, что «цифровизация в рамках государства, экономики и общества за несколько лет изменила Германию. Новые возможности коммуникации, доступа к знаниям и инновационного развития ведут ко все большему социальным интеракциям, новым моделям предпринимательства и новым сферам для исследований и развития». В документе неоднократно констатировано наступление «эпохи цифровизации». Значительное внимание уделено и электронной коммуникации. Как приоритетная сфера действий в Киберстратегии ФРГ характеризуется и «Активное позиционирование Германии в европейской и международной политике кибербезопасности».

Небезынтересно проследить и ситуацию с восприятием цифровизации и реагированием на нее в контексте социально-экономического развития, обеспечения национальной и международной безопасности в другой немецкоязычной стране, Австрии.

В опубликованной еще в 2013 г. Стратегии безопасности Австрии (Österreichische Sicherheitsstrategie)²² был констатирован факт нарастания цифровизации мира и предусматривались меры реагирования на происходящее.

В дальнейшем в рамках развития доктринальных основ политики безопасности фактор цифровизации становится все более явственным, что следует, например, из годового обзора 2017 г. Дирекции по политике безопасности Австрии [Sicher. Und morgen? Sicherheitspolitische Jahresvorschau 2017].

Новое правительство страны в начале января 2020 г. обнародовало программу действий на 2020–2024 гг. «Исходя из ответственности перед Австрией» (Aus Verantwortung für Österreich. Regierungsprogramm 2020–2024)²³. В трехсотстраничном документе слова с корнем «цифровизация» встречаются порядка 200 раз. Австрия настойчиво демонстрирует намерение максимально эффективно использовать преимущества, предоставляемые цифровизацией, в т. ч. в рамках международной политики. В сложившихся условиях Австрия намерена осуществить системную цифровизацию внешнеполитической деятельности и коммуникации, обеспечить цифровой суверенитет. В документе неоднократно ставится вопрос о необходимости развития цифровой компетентности и «цифрового лидерства» управленческих кадров страны, о разветвливании «цифрового наступления».

Оценивая характер и уровень имплементации цифровизации в доктринальных документах России и других стран, можно констатировать, что ее наличие выступает достаточно четким показателем осознания и учета государствами изменений, происходящих в информационной сфере. Имеются и признаки того, что цифровизация распространится и на сферу международных отношений.

21 Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland // <http://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/>, дата обращения 20.05.2020.

22 Österreichische Sicherheitsstrategie // https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Aussenpolitik/Sicherheitsstrategie.pdf, дата обращения 20.05.2020.

23 Aus Verantwortung für Österreich. Regierungsprogramm 2020–2024 // <https://www.bundeskanzleramt.gv.at/bundeskanzleramt/die-bundesregierung/regierungsdokumente.html>, дата обращения 20.05.2020.

***

Изложенное позволяет сделать некоторые выводы.

Переход развития мира в цифровую эпоху стал реальностью, что неизбежно влечет трансформацию жизни социумов и международных отношений. В новых условиях претерпевает изменения и политическая коммуникация, в т. ч. в ее международном сегменте. Вместе с тем в настоящее время еще не диагностированы и не осмыслены в полной мере и сами изменения. Судя по оценкам цифровизации и ее последствий для международных отношений в целом и для международной коммуникации, содержащимся в доктринальных документах развитых государств, политические субъекты фактически находятся на этапе декларации своих намерений. Переход к реагированию на цифровизацию, в т. ч. в сфере международной политической коммуникации, в системном виде еще не состоялся.

В сложившихся условиях актуализируется задача теоретической проработки последствий цифровизации для международной политической коммуникации и способов реагирования на происходящее. Ситуация дополнительно осложняется тем, что данный сегмент коммуникации, будучи реально существующим и активно развивающимся феноменом, еще не стал полноценным предметом научного исследования.

В этой связи изложенное представляет собой фактически лишь постановку вопроса о необходимости и возможности теоретической проработки феномена международной политической коммуникации и не претендует на полноту понимания. Вместе с тем имеются основания для утверждений о том, что такая проработка представляется востребованной и перспективной в теоретическом и практическом плане.

Список литературы

Аналитический словарь (2015). М.: Аналитика.

Белозёров В.К. (2004) Информационный фактор формирования коммуникативной компетентности военных и политических кадров ФРГ // Телекоммуникации и информатизация образования. № 3. С. 80–90 // <https://uchebana5.ru/cont/1825196.html>, дата обращения 20.05.2020.

Виноградова Е.А. (2015) Роль стратегической коммуникации во внешней политике АЛБА (на примере отношений со странами ЕС): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.

Грачев М.Н. (2004) Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей.

Патрушев Н.П. (2019) Видеть цель: безопасность России в современном мире // Российская газета. 12 ноября 2019 // <https://rg.ru/2019/11/11/patrushev-ssha-streмиatsia-izbavitsia-ot-mezhdunarodno-pravovyh-ramok.html>, дата обращения 20.05.2020.

Свечин А.А. (2003) Стратегия. М.-Жуковский: Кучково поле.

Старых Н.В. (2013) Стратегические коммуникации: базовые принципы проектирования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 2. С. 5–26 // <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2013/2/strategicheskie-kommunikatsii-bazovye-principy-proektirovaniya/>, дата обращения 20.05.2020.

Сурма И.В. (2014) Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. № 6. С. 53–60 // <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/241/241>, дата обращения 20.05.2020.

Шварценберг Р.-Ж. (1992) Политическая социология: в 3-х ч. Ч. I. М.: Российская академия управления.

Hartwig S. (1999) Konflikt und Kommunikation: Berichterstattung, Medienarbeit und Propaganda in internationalen Konflikten vom Krimkrieg bis zum Kosovo, Münster: LIT.

Meyn H. (1999) Massenmedien in Deutschland, Konstanz: UVK Medien.

Naumann K. (1999) Der nächste Konflikt wird kommen. Erfahrungen aus dem

Kosovo-Einsatz // Europäische Sicherheit, no 11, pp. 8–22.

Sicher. Und morgen? Sicherheitspolitische Jahresvorschau 2017 (2017), Wien: Direktion für Sicherheitspolitik.

Theuerkauf Th. (2000) Informations-Operationen // Europäische Sicherheit, no 2, pp. 14–18.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

International Political Communication in The Context of Digitalization of World Development

Vasily K. BELOZEROV

Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation, DSc in Politics, Professor, Head of the Chair of Political Science Moscow State Linguistic University, 119034, Ostozhenka St., 38, Moscow, Russian Federation

E-mail: vk_belozerov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4875-5878

CITATION: Belozerov V.K. (2020) International Political Communication in The Context of Digitalization of World Development. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 177–194 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

Received: 10.03.2020.

ABSTRACT. *The article is dedicated to exploring the phenomenon of international political communication, changing in the context of world development digitalization. The logic of comprehension and sequence of material presentation stem from a number of circumstances. Firstly, the modern socio-political practice of responding to digitalization is characterized by fragmentation, discreteness and incompleteness. Nevertheless, digitalization is a real phenomenon that has a political dimension, and its manifestations, consequences and exposure perspectives need scientific understanding.*

Furthermore, the very international political communication remains understudied. The research on communication processes is focused mainly on the domestic sphere. Consequently, the content and direction of changes in the sphere of international political communication under the influence of digitalization are not fully evaluated by the scientific community.

The methodological basis of the research is the theory of political communication and realism. The disclosure of the stated topic required the use of structural and functional analysis, document analysis, compar-

ative analysis, and performance analysis. The author derives the definition of international political communication. Based on the study of specialized literature and available examples from practice, problem clusters of international political communication are being identified and characterized, some measures of response to digitalization are being proposed. In order to assess and understand the prospects for responding to the digitalization of international political communication, attention is paid to the study and comparison of the doctrinal documents of Russia, the USA, Germany and Austria. It is substantiated that changes in the practice of international political communication in the context of digitalization will increase.

KEY WORDS: political communication, exchange of meanings, subjects of international relations, international political communication, digitalization, international security, doctrinal documents, implementation of digitalization

References

- Analytical Dictionary* (2015), Moscow: Analitika (in Russian).
- Belozarov V.K. (2004) Information Factor of Formation of the Communicative Competence of the Military and Political Personnel of Germany. *Telekommunikatsii i informatizatsiya obrazovaniya*, no 3, pp. 80–90. Available at: <https://uchebana5.ru/cont/1825196.html>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Grachev M.N. (2004) *Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Vectors of Development*, Moscow: Prometej (in Russian).
- Hartwig S. (1999) *Konflikt und Kommunikation: Berichterstattung, Medienarbeit und Propaganda in internationalen Konflikten vom Krimkrieg bis zum Kosovo*, Münster: LIT.
- Meyn H. (1999) *Massenmedien in Deutschland*, Konstanz: UVK Medien.
- Naumann K. (1999) Der nächste Konflikt wird kommen. Erfahrungen aus dem Kosovo-Einsatz. *Europäische Sicherheit*, no 11, pp. 8–22.
- Patrushev N.P. (2019) Seeing the Goal: Russia's Security in the Modern World. *Rossiyskaya gazeta*, November 12, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/11/11/patrushev-ssha-stremiatsia-izbavitsia-ot-mezhdunarodno-pravovyh-ramok.html>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Schwarzenberg R.-Zh. (1992) *Political Sociology*: In 3 Parts: Part I, Moscow: Rossijskaya akademiya upravleniya (in Russian).
- Sicher. Und morgen? Sicherheitspolitische Jahresvorschau 2017* (2017), Wien: Direktion für Sicherheitspolitik.
- Starykh N.V. (2013) Strategic Communications: Basic Design Principles. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, no 2, pp. 5–26. Available at: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2013/2/strategicheskie-kommunikatsii-bazovye-printsiipy-proektirovaniya/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Surma I.V. (2014) Digital Diplomacy in the Discourse of Global Politics. *MGIMO Review of International Relations*, no 6, pp. 53–60. Available at: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/241/241>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Svechin A.A. (2003) *Strategy*, Moscow: Zhukovskij: Kuchkovo pole (in Russian).
- Theuerkauf Th. (2000) Informations-Operationen. *Europäische Sicherheit*, no 2, pp. 14–18.
- Vinogradova E.A. (2015) *The Role of Strategic Communication in the Foreign Policy of ALBA (On the Example of Relations with EU Countries)*: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk, Moscow (in Russian).